

Вилла семьи Линь была преображена до неузнаваемости — роскошный зал, оформленный под элитный банкет, сиял огнями и блеском.

Небольшая стычка у входа, хоть и не переросла в скандал, но не ускользнула от внимания присутствующих — здесь собрались люди с острым слухом и ещё более острым нюхом на сплетни.

То, что У Гуй пришёл на юбилей Линь Гохуа не один, а привёл с собой Линь Сюэцэ — того самого «фальшивого наследника», да ещё и открыто заступился за него, пусть и произошло всего несколько минут назад, — уже разлетелось по залу, словно искра по сухой траве.

Стоило им сесть за стол, как вокруг тут же собралась группа людей, наперебой приветствуя У Гуя.

Мужчина в зрелом возрасте, добившийся успеха, больше всего наслаждается двумя вещами: восхищением равных и возможностью встать стеной за любимого человека.

Путь У Гуя к богатству был совсем не таким, как у остальных. Годы он жил сдержанно, почти аскетично: не бывал на сомнительных вечеринках, не окружал себя любовницами, не давал поводов для слухов — настоящая «зона без сплетен».

А теперь, на склоне лет, словно старый дом вдруг вспыхнул пожаром.

С его положением — и вдруг всерьёз вступить за какого-то малолетку... этого было достаточно, чтобы все поняли: к этому «фальшивому молодому господину» он относится совсем не поверхностно.

Вокруг стояли родственники и друзья Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин — люди одного круга, одного уровня. И перед У Гум их взгляд был направлен «снизу вверх», с откровенным почтением.

Разумеется, никто не собирался упускать шанс выслужиться.

— Кто бы мог подумать, что господин У всё ещё в такой форме, — усмехнулся кто-то.

— Настоящий герой, готовый вспыхнуть гневом ради красавца.

— Линь Сюэцэ, вот уж кому повезло, — добавил другой. — Первые восемнадцать лет — роскошь в семье Линь, а теперь ещё и господин У за спиной.

А кто-то и вовсе, с двусмысленной улыбкой, обратился прямо к нему:

— Наш господин У — мужчина с ответственностью и характером. Такое счастье нельзя упускать, береги его.

Слушая эти скользкие, липкие намёки, Линь Сюэцэ с опозданием, но всё же понял, что происходит.

В его мире У Гуй был просто... его домашним «детёнышем».

Снаружи — человек, строгий и внушительный.

А дома — большая, медлительная черепаха.

Он относился к нему как к маленькому зверьку: черепаха, морская зайка, жемчужинка — для

него все эти существа были из одной категории — тихие, безобидные, родные.

Но он и представить не мог, что в глазах некоторых людей их отношения давно исказились до чего-то совсем иного — до намёков на «необычную близость».

И только сейчас, оглянувшись назад, он вдруг осознал: эти слухи, похоже, уже давно расползлись повсюду.

В школе одноклассники шарахались от него, как от заразы.

Линь Цинтянь — его странная, непонятная улыбка, когда он видел их вместе.

Презрительные взгляды старост и активистов у входа.

И теперь — эти люди, с их двусмысленными подколками...

А он-то всегда был уверен: для окружающих они с У Гуем выглядят как отец и сын.

И в самых смелых мыслях он не допускал, что всё может дойти до такого.

Шок смешался с абсурдным, горьким весельем.

Линь Сюэцэ не знал, смеяться ему или плакать.

Он посмотрел на У Гуя — взглядом, в котором было и недоумение, и растерянность, и тихая, почти неловкая ирония.

У Гуй, увидев выражение лица Линь Сюэцэ — тот самый взгляд «внутреннего землетрясения зрачков», — сразу понял, о чём он думает.

Он мягко подмигнул ему, безмолвно давая знак: успокойся, всё под контролем.

А затем, обернувшись к собравшимся, улыбнулся:

— Я с первого взгляда на Сюэцэ понял, что он поразительно похож на меня в молодости. Вот тогда я и обратил на него внимание.

Говоря это, он тепло, почти интимно сжал руку Линь Сюэцэ и продолжил, улыбаясь окружающим:

— Каждый раз, глядя на него, я вспоминаю те годы... Но Сюэцэ умнее и рассудительнее, чем я был тогда. Он вызывает у меня не только симпатию, но и нежность, желание беречь. Наверное, это и есть судьба. Дар небес.

Люди вокруг, глядя на их липкую, почти демонстративную близость, застыли с каменными лицами. Внутренне все были в шоке от бесстыдства этого «старого черепаха».

Они ведь просто льстили.

По традиции, в таких ситуациях «старый черепах» должен был бы скромно отмахнуться, проявить вежливую сдержанность.

Но кто бы мог подумать, что У Гуй не только не станет скромничать — он ещё и начнёт откровенно демонстрировать свою «любовь»!

Публичное место. Камеры. Фотографы. Репортёры.

А он — словно окончательно решил «поставить на кон лицо».

Люди вокруг только цокали про себя языками.

Зато Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин были в восторге.

Они-то думали, что заставить этого бизнесмена признать отношения с Линь Сюэцэ — задача уровня «достать луну с неба».

А тут он, ослеплённый чувствами, сам, при всех, без стеснения всё выставляет напоказ.

Раз уж добыча сама идёт в руки — грех не зарезать жирного барашка.

Они тут же подозвали фотографов, журналистов и прессу, прихватив с собой и Линь Цинтяня.

Как главные фигуры вечера, Линь Гохуа, Чжэн Мэйлин и Линь Цинтянь были безупречно одеты.

Линь Гохуа, как именинник, вышел вперёд, смеясь, подошёл к У Гую и, подняв руку, попытался хлопнуть его по плечу:

— Старина У, раз ты так говоришь, я могу со спокойной душой передать Сюэцэ тебе.

В обычной ситуации Линь Гохуа никогда бы не осмелился говорить с У Гуюем в таком тоне.

Но теперь, раз У Гуй сам признал их отношения, значит, формально Линь Гохуа становился его «тестем».

Да, они ровесники.

Да, состояние У Гуя куда больше.

Но по «старшинству статуса» он теперь мог играть роль старшего — и держаться соответственно.

К тому же, перед камерами и журналистами У Гуй вряд ли посмеет устроить скандал.

Так он думал.

Но в следующий миг его ладонь хлопнула по воздуху.

У Гуй едва заметно сместился в сторону, избегая прикосновения:

— Господин Линь.

Движение было минимальным. Улыбка — всё такая же вежливая.

Но скрытая брезгливость читалась слишком отчётливо.

Со всех сторон — камеры. Объективы. Прямые трансляции.

Линь Гохуа не ожидал, что У Гуй вот так, на публике, совершенно не оставит ему лица.

Внутри вспыхнуло раздражение, но он всё же попытался сохранить образ:

— Ну что вы, Сюэцэ — сын, которого я вырастил. С вашими-то отношениями звать меня «господин Линь» — это слишком официально.

У Гуй посмотрел на него с лёгким недоумением, но ничего не ответил.

Просто отвернулся и тихо заговорил с Линь Сюэцэ.

Именинник. Центр внимания. Триумфальный вечер.

И — раз за разом — унижение именно от У Гуя.

В Линь Гохуа поднималась злость. Он уже собирался сделать шаг вперёд, но Чжэн Мэйлин резко схватила его за руку.

Все подумали, что она собирается обратиться к У Гую.

Но она повернулась к Линь Сюэцэ и сказала:

— Сюэцэ, мы с Цинтянем в последнее время были заняты подготовкой банкета, почти не навещали тебя... Ты ведь теперь живёшь вместе с господином У. Привык?

Эта фраза прозвучала, как выстрел.

Многие невольно втянули воздух — вот это ход...

Линь Сюэцэ не понимал, какую игру ведёт У Гуй, но, увидев его спокойное лицо, ответил:

— Вполне.

Одним этим словом он фактически подтвердил факт их сожительства.

Чжэн Мэйлин тут же улыбнулась ещё шире:

— Пусть ты и не мой родной сын, но ты вырос в семье Линь, прожил у нас восемнадцать лет. И теперь видеть, когда ты обрёл свой дом, когда вы с господином У стали парой... мы можем быть спокойны.

У сегодняшнего банкета семьи Линь было две цели.

Первая — собрать как можно больше гостей и при всех объявить: У Гуй становится «зятем» семьи Линь. А значит, в деловом мире, из уважения к У Гую, к семье Линь должны относиться мягче и благосклоннее.

Вторая — официально объявить Линь Цинтяня наследником.

Первая цель уже была достигнута.

И Чжэн Мэйлин как раз собиралась перейти ко второй.

В следующий миг раздался голос У Гуя:

— Парой? Госпожа Линь, что за вздор вы несёте?

Линь Цинтянь уже почти вышел к сцене, но после этих слов всё внимание снова мгновенно вернулось к У Гую.

Внутри у Чжэн Мэйлин вспыхнуло раздражение, но, сдерживаясь из-за статуса, она повернулась к нему:

— Господин У, что вы имеете в виду?

На лице У Гуя было ещё больше недоумения, чем у неё:

— Госпожа Линь, вы всегда так описываете отношения между отцом и сыном?

Вы с Линь Цинтянем — по-вашему, тоже «пара»?

После этих слов лицо изменилось не только у Чжэн Мэйлин — даже у Линь Цинтяня.

Он ещё даже не успел официально появиться перед прессой, а У Гуй уже связал его имя с именем матери в такой формулировке — и это было крайне плохим знаком.

— Господин У, сегодня юбилей моего отца. Даже если вы шутите, всему есть мера, — холодно произнёс Линь Цинтянь.

У Гуй лишь улыбнулся и покачал головой:

— Прошу прощения. Я терпеть не могу, когда родственные связи извращают и переворачивают. Тем более что я и Сюэцэ не виделись больше десяти лет. Как отец, я тем более обязан считаться с его чувствами.

Сначала его слова слушали рассеянно.

Но когда прозвучало слово «отец», в зале воцарилась пауза.

Линь Гохуа первым фыркнул:

— Отец защищает сына — что тут необычного?

У Гуй, до этого сохранявший вежливую улыбку, мгновенно помрачнел.

— Вот, значит, какое у семьи Линь воспитание, — медленно произнёс он. —

То, что Сюэцэ вырос таким, какой он есть, — заслуга исключительно его самого.

У Чжэн Мэйлин и Линь Цинтяня внутри всё сжалось — появилось нехорошее предчувствие.

Но У Гуй уже не обращал на них внимания. Он повернулся к гостям:

— Господа, сегодня юбилей господина Линя. Как гость, я не должен был бы вмешиваться. Но господин и госпожа Линь слишком глубоко заблуждаются в отношении меня и моего сына. Чтобы избежать слухов и грязных домыслов, я хочу прояснить ситуацию публично: Линь Сюэцэ — мой сын. Родной сын. Биологический.

После этих слов зал словно замер.

Ошеломлены были не только трое из семьи Линь — оцепенели все гости.

Что?

Родной сын?!

Не любовник, не содержанец, не «мальчик при богатом покровителе» — а сын?!

Гости пребывали в ступоре.

Зато журналисты — нет.

Их пригласил Линь Гохуа, чтобы создать информационный фон для Линь Цинтяня.

Они готовились к стандартному сценарию: богатая семья, объявление наследника, красивая картинка.

Но вместо этого...

Семья Линь ещё ничего не объявила, а У Гуй уже сделал заявление — и какое.

По статусу и влиянию У Гуй на голову выше Линь Гохуа.

Если эта новость выйдет в эфир — не только Хайцзин будет потрясён, это легко взорвёт национальные тренды.

«Фальшивый наследник из скандальной истории — якобы содержанец известного бизнесмена — а на деле родной сын, признанный публично самим бизнесменом».

Даже случайный прохожий, ничего не знающий о них, кликнет на такую новость.

Запах сенсации, трафика, просмотров, премий и карьерных бонусов — журналисты буквально вспыхнули от возбуждения.

Камеры тут же развернулись к У Гую и Линь Сюэцэ.

Съёмка — без остановки. Фотовспышки — непрерывно.

Линь Цинтянь стоял сбоку, полностью готовый к выходу на сцену и вниманию прессы.

Но после заявления У Гуя репортёры словно сошли с ума и рванули вперёд.

Он, и так находившийся у края толпы, оказался буквально вытеснен в угол.

Туда же почти вытолкали и самого именинника — Линь Гохуа.

Абсурд: в центре внимания — не семья Линь, а У Гуй и Линь Сюэцэ.

Линь Гохуа был на грани взрыва.

— У Гуй, ты что несёшь?! — взревел он. — Линь Сюэцэ — сирота, которого бросили у ворот детдома! Как он может быть твоим родным сыном?!

<http://bllate.org/book/14966/1416515>